

ИСТОРИОГРАФИЯ. ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

УДК 930.1 (093)

*И.Е. Рудковская***Н.М. КАРАМЗИН И АНГЛО-ШОТЛАНДСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII в.**

В статье рассматриваются проблемы влияния на историческое творчество Н.М. Карамзина исследований Д. Юма, В. Робертсона, Э. Гиббона. Становление и развитие отечественной исторической науки не может быть адекватно понято без учёта тех образцов, которые были созданы во второй половине XVIII в. в рамках европейского научного пространства.

Тацит, Юм, Робертсон, Гиббон – вот образцы!...
...После Фукидида и Тацита ничто не может
сравняться с Историческим Триумvirатом Британии.
Н.М. Карамзин [1]

Историческое творчество Н.М. Карамзина рассматривалось в русле исключительно отечественной историографической традиции. Изоляционизм идеологический, усиленный издержками внутринаучной специализации, закрепил в нашей науке упрощённое представление о процессе формирования Карамзина-историка, не учитывавшее масштабность научных интересов исследователя, ощущавшего себя гражданином мира не менее, нежели гражданином России.

В данной работе автор видит свою главную цель в том, чтобы обозначить проблему предопределённости главного труда Карамзина процессами, происходившими в западной науке. «История государства Российского» есть феномен, формировавшийся в границах европейского научного пространства по образцам, им задаваемым. В качестве наиболее значимых образцов здесь будут рассматриваться те, которые были провозглашены таковыми самим Карамзиным в «Письмах русского путешественника». Представляется, что без анализа данного историографического пласта историческое творчество Н.М. Карамзина, а значит, и процесс становления исторической науки в России, не могут быть поняты адекватно.

Отечественная историческая наука и на излёте XVIII в. делала лишь первые шаги. Свообразный итог её развития в XVIII в. в самом начале XIX в. подвёл такой признанный эксперт, как Август Людовик Шлёцер. Он чрезвычайно высоко оценивал масштабность самой русской истории (так как это «история не какой-нибудь земли, а целой части света»), важность «по непосредственному её влиянию на всю прочую, как европейскую, так и азиатскую» [2], её источниковую базу¹.

Крупнейший источниковед с европейским именем Л. Шлёцер писал: «Раскройте летописи всех времён и земель и покажите мне историю, которая превосходила бы или только равнялась с Русскою» [2]. Русским летописям, отмечал он, не доставало «только учёного обработки, иностранцы не принимались за оное для того, что не могли, да

и сами русские не старались об этом» [2. рzi]. Ему представлялось странной участь российской исторической словесности: несмотря на то что «сами государи ободряют, приглашают, приказывают», ничего не делается, «а если и делается, то всё не так» [2. poz].

Такая оценка, отчасти эпатажная по своей цели и сути, представляется, была вызвана не столько желанием перечеркнуть всё, что было сделано в XVIII в., сколько стремлением акцентировать внимание на нерешённых проблемах, повысив, таким образом, интерес к предлагаемому им самим варианту их решения. Вместе с тем отзыв Шлёцера, думается, – убедительное свидетельство заметного отставания российской исторической науки от европейского уровня.

Оценка, данная немецким учёным, в целом совпадает с мнением россиянина Карамзина [3], высказанным за десять с лишним лет до появления шлёцеровского «Нестора». Однако нельзя не заметить и существенного расхождения в их подходах: у Шлёцера на первом месте стоит научность анализа, для Карамзина, думается, важнее то влияние, которое может оказать историческое исследование на историческое самосознание нации.

Прагматическая установка Н.М. Карамзина вполне соответствует исторической традиции XVIII в. Известно, что отношение к прагматической истории всегда было неоднозначно. Как подчёркивал, например, Густав Шпет в знаменитой «Истории как проблеме логики», прагматическая история предшествует и философской, и научной истории. «Вполне понятно, – писал он, – что историография квалифицирует историю Юма как прагматическую историю. Для “философской истории” здесь нет объединяющей “точки зрения”, для научной – нет идеи внутреннего фактора, лежащего в самом историческом процессе, и не только объединяющего, но и объясняющего его» [3]. В то же время, характеризуя английские исторические работы XVIII в., он писал: «... наука (подчёркнуто мною. – И.Р.) история в период, ближайший за Локком, не продвигалась вперёд. И напротив, их оживление к концу XVIII в. происходит под обратным влиянием французского Просвещения (Юм, Робертсон, Гиббон)» [3. С. 76]. Следовательно, вынося прагматичес-

¹ «Больно, но должно по справедливости сказать, что у нас до сего времени нет хорошей Российской Истории, то есть писанной с философским умом, с критикою, с благородным красноречием», – подчёркивал Карамзин [1. С. 252].

кую историю за рамки собственно научной истории, он рассматривал её как необходимый этап в развитии науки истории.

В рамках этого общеевропейского этапа, ориентируясь на систему ценностей, наиболее полно представленную в немецких, кантовых этических работах, Н.М. Карамзин и создавал свой труд, моделируя его в соответствии с лучшими английскими образцами исторических произведений эпохи Просвещения, предопределяя тем самым его принадлежность в большей мере веку восемнадцатому, нежели следующему за ним [4].

При сравнительном анализе исторических трудов Н.М. Карамзина и его предшественников представляется, в первую очередь должны быть проанализированы предложенные ими варианты структурирования работ в целом, а также следующие структурные элементы текста: посвящения монархам, предисловия, обобщающие главы, портретные характеристики.

Д. Юм, чьё масштабное сочинение открывало, с историографической точки зрения, вторую половину XVIII в., протраивал своё исследование отчасти ретроспективно: первые опубликованные тома, вышедшие в 1754–1757 гг., освещавшие историю Англии в эпоху Стюартов, составят позднее 7–8-й тома его восьмитомной «Истории Англии от вторжения Юлия Цезаря до революции 1688 г.», опубликованной полностью в 1778 г. В вышедшем ранее других томе изложение политической истории прерывается после пятой главы приложением «Царствование Якова I», в рамках которого выделены следующие рубрики: «гражданская администрация Англии в этот период»; «церковное правление»; «нравы»; «финансы»; «армия»; «флот»; «торговля»; «промышленность»; «колонии»; «науки и искусства» [5]. Том завершался главой XIV, где в финале выделены суд над королём Карлом I, его казнь, его характер [5. С. 407–454]. В томе, который позднее станет первым, после трёх глав, характеризующих особенности населения Британии, события при Эберте, Этельроде и т.д., следует приложение I «Англо-саксонское управление и обычаи», где характеризовались и власть королей, и статус аристократии, особенностями правового регулирования, специфика вооружённых сил, нравы населения до норманнского завоевания [6. Vol. I. P. 169–198]. В структуре следующих глав обращает на себя внимание сочетание «смерть и характер» того или иного правителя (Вильгельма Завоевателя, гл. IV; Вильгельма Руфа, гл. V; Генриха I, гл. VI; Ричарда I, гл. X; Иоанна, гл. XI) [6. Vol. I. С. XXI–XXIII]. После гл. XI Д. Юм снова помещает приложение, характеризующее уже феодальное, англо-нормандское управление и обычаи, где речь идёт о прогрессивности феодального законодательства, парламент именован феодальным, охарактеризованы торговля, церковь, гражданское законодательство и нравы [6. Vol. I. С. 489–524].

Итоговые характеристики царствующих особ и далее будут подводить определённую черту, отделяя одну главу английской истории от другой. Особенно подробно будет анализироваться Юмом эпоха первых Тюдоров, именем Генриха VII будут названы гл. XXIV–XXVI, именем его преемника Генриха VIII – гл. XXVII–XXXIII [6. Vol. II. P. 499–616; Vol. VIII. P. 1–242]. Следующее, третье, приложение завершит обширную часть, посвящён-

ную эпохе Елизаветы, после гл. XLIV свыше тридцати страниц уделит автор характеристике управления, торговли, вооружённых сил, мануфактур и образования той эпохи [6. Vol. I. P. 169–198]. Последнее приложение, о времени Якова I Стюарта, охарактеризовано выше. Завершается исследование Д. Юма описанием событий Славной революции 1688–1689 гг.

Совершенно иначе подойдёт к протраиванию своей трёхтомной «Истории государственного императора Карла V» В. Робертсон. Работа, изданная в Лондоне в 1769 г., будет начинаться с обширного Введения, которое в 1775–1778 гг. опубликуют в России в двух томах: первый том будет содержать собственно «Введение», второй – «Доказательства и объяснения Введения» [7]. По поводу именно этой публикации Карамзин напишет в предисловии к первому тому «Истории государства Российского»: «Но сии *обозрения*, сии *картины* не заменяют летописей, и кто читал единственно Робертсоново Введение в Историю Карла V, тот ещё не имеет основательного, истинного понятия о Европе средних времён» [8. С. 17]. «Введение» должно было подготовить читателя к восприятию главной, особо значимой для Европы, с точки зрения Робертсона, эпохи – времени правления Карла V.

Оно, таким образом, может быть сопоставлено с шестью томами «Истории Англии» Д. Юма, призванными прояснить для читателей, что же предшествовало эпохе Стюартов. Но если Д. Юм свои «вводные» тома создаст позднее главной для него части, то Робертсон предпочтёт вводную часть томам, посвящённым знаменитому для него периоду. Такой вариант структурирования исторического труда, провоцирующий эскизность значительной его части, Н.М. Карамзин воспримет критически: «Мало, что умный человек, окинув глазами памятники веков, скажет нам свои примечания: мы должны сами видеть действия и действующих: тогда знаем Историю» [8. С. 17].

«История Российская с древнейших времён» М.М. Щербатова создавалась почти параллельно с «Историей» В. Робертсона. Как отмечал Г.В. Вернадский, к середине 1769 г. Щербатов окончил два первых тома, дойдя до монгольского нашествия 1238 г. (напечатаны в 1770–1771 гг.) [9]. Структура тома «От начала до кончины великого князя Ярослава Владимировича», включавшего три книги помимо предисловия, введения и глав «по княжениям» содержит ещё и «Рассмотрения» («о разных древних населяющих Россию народах», «о пришествии Рюрика и кто он был», «о том, koliko раз Россия была просвещена святым крещением») [10. С. 89–106, 185–188, 267–270]. Наиболее значимым из всех «рассмотрений» было «рассмотрение о состоянии России, её законов, обычаев и правлений» во втором томе «Истории», после характеристики Юрия Долгорукого. А.Л. Шапиро полагал, что именно следуя данному примеру Щербатова не только Н.М. Карамзин, но и С.М. Соловьёв стали включать в каждый раздел своих трудов по русской истории очерк внутреннего состояния страны [11]. Думается, что заслуга эта по справедливости должна быть признана за Д. Юмом, чьё влияние на М.М. Щербатова А.Л. Шапиро, впервые представивший российскую историческую науку на фоне европейских идей, признавал, характеризуя предисловие к «Истории Российской» [11. С. 186].

Следующая крупная историческая работа XVIII в., шеститомная «История упадка и разрушения Римской империи» Э. Гиббона, будет завершена, по признанию автора, в ночь на 27 июля 1787 г. [12] между одиннадцатью и двенадцатью часами вечера первый том будет написан через шесть лет после выхода первого тома «Истории» Щербатова, последний – за год до европейского путешествия Н.М. Карамзина (1788).

Достаточно беглого взгляда на содержание глав первого тома, чтобы стало очевидно: объём информации, положенный в основу данных Э. Гиббоном характеристик Римской империи в век Антонинов, не сопоставим с источниковой базой повествования о начальном периоде становления российской государственности. В главе первой Э. Гиббон характеризовал «объём и военные силы империи», в главе второй писал «о единстве и внутреннем благоденствии Римской империи», в главе третьей – «о государственном устройстве Римской империи» [12. С. 51–125]. В то же время в оглавлении последующих глав нельзя не увидеть аналогов структуре «Истории государства Российского»: снисходительность, жадность и жестокосердие, гнусность и сумасбродство, мудрость и справедливость, угрызания совести и жестокость, добродетельный характер, милосердие, красота и учёность, великолепие и благочестие, осторожность. Качества, относящиеся к разным героям его «Истории» (Марк, Клеандр, Коммод, Септимий Север, Каракалла, Александр Север, Клавдий, Зиновия, Аврелиан, Диоклетиан), вынесенные в качестве элементов структуры исторической работы, придают личностным качествам значимость движущих сил истории [12. С. 422–427].

Первые тома «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина увидят свет через 30 лет после публикации последнего тома Э. Гиббона. Характеристику источников российской истории до XVIII в. он поместит во вводной части, в отличие от М.М. Щербатова, у которого книга I озаглавлена: «История о Российских народах по Швецким, Польским и Дацким писателям» [8. Т. I. С. 17, 23–28; 10. С. 89–106, 185–188, 267–270]. Подобно Д. Юму Н.М. Карамзин начнёт с характеристики народов, «издревле обитавших в России» [8. Т. I. С. 31–46].

Главы, характеризующие состояние России в тот или иной период, – неотъемлемый, важнейший структурный элемент его истории:

т. I, гл. III «О физическом и нравственном характере славян древних»;

т. I, гл. X «О состоянии древней России»;

т. II, гл. VII «Состояние России с XI до XIII века»;

т. V, гл. IV «Состояние России от нашествия татар до Иоанна III»;

т. VII, гл. IV «Состояние России. г. 1464–1533»;

т. X, гл. IV «Состояние России в конце XVI века».

Кроме того, во втором томе функцию обобщающей (в правовом отношении) главы до некоторой степени выполняет глава III «Правда Русская или законы Ярославовы». Незавершенная часть последней главы двенадцатого тома тоже касалась общего состояния России. Таким образом, по числу этих обобщающих текстов Н.М. Карамзин оставил позади не только М.М. Щербатова, но и Д. Юма. Обобщающие главы стали нормой, необходимым итогом рассмотрения отечественной исто-

рии по неизбежным тогда граням – периодам княжений и царствований.

Анализируя оглавление томов исторического труда Н.М. Карамзина, можно, как и у Э. Гиббона, выявить обширный перечень качеств человеческих, в той или иной мере определивших ход истории: мудрость, хитрость, женолюбие, милосердие, безрассудная жестокость, великодушие, вероломство, гордость, храбрость, благоразумие, строгость, коварство, нежность, медленность, несправедливость, добросердечие, бодрость, твёрдость, беспечность, справедливость, миролюбие, пылкость, простодушие, своевольство, неблагоразумие, малодушие, мятежный дух, бескорыстие, неблагодарность [8. Т. I, II].

В этом отношении нельзя не заметить структурных аналогий, позволяющих говорить о стремлении Н.М. Карамзина ориентироваться на признанные лучшими образцы исторических сочинений английской исторической школы, прежде всего Э. Гиббона, так как у Д. Юма на уровень структурных элементов выходят, преимущественно, действия при жизни и посмертная характеристика, а у В. Робертсона рубрикация личностными качествами встречается (например «заботливость Изабеллы» в кн. I второго тома), но играет меньшую роль [7. Т. II. С. 1–70].

Представляется преимущественным влияние зарубежной традиции и на соотношение основного текста в «Истории» Карамзина и примечаний к нему. В письмах историк именовал примечания нотами. 25 марта 1818 г. в письме А.Ф. Малиновскому отмечал: «Я снова принялся за девятый том: пишу ноты к первой главе», 3 декабря тому же адресату: «Дописываю ноты к самозванцу» [13]. В предисловии к первому тому Карамзин не удержится: «Счастливы Древние: они не ведали сего мелочного труда, в коем теряется половина времени, скушает ум, вянет воображение» [8. Т. I. С. 20]. Но традиция уже сложилась трудами его предшественников. Довольно обширные примечания содержала «История» Д. Юма, по наиболее важным вопросам одно примечание могло разрастись до нескольких страниц (см. например, примечание № 275 в томе, посвящённом первым Стюартам, касавшееся восприятия английской политической системы времён Якова I современниками) [5. С. 474–476].

Разделение на текст и примечания в сопоставимой пропорции до Карамзина опробовал первым, видимо, В. Робертсон. Из отечественных предшественников Н.М. Карамзина наиболее значим представляется И.Н. Болтин, с его знаменитыми примечаниями на «Истории» других авторов (Н.-Т. Леклерка, М.М. Щербатова), превративший мучительные для Карамзина «ноты» в особый жанр исторического исследования. Восемнадцатый век – время интенсивного формирования жанровых стереотипов исторических трудов; поискам новых форм единое европейское научное пространство придавало неизвестный ранее в России динамизм.

Посвящение просвещённому государю – обязательный атрибут исторического сочинения, принадлежащего перу официального историографа. Аналогичные карамзинскому текст есть в «Истории Российской от древнейших времён» М.М. Щербатова и «Истории государственного императора Карла V» В. Робертсона [7. Т. I; 10. Т. I. С. 1–4]. Последний стал королевским историографом Шотландии в 1763 г., за 40 лет до соответствующего события в жизни

Н.М. Карамзина. М.М. Щербатов начал свои исторические исследования, как полагал Г.В. Вернадский, не ранее 1767 г. [9]. Обращение Н.М. Карамзина к Александру I датировано 8 декабря 1815 г. Он подписывается как «Вашего Императорского Величества верноподданный Николай Карамзин» [8. Т. I. С. 12], тогда как его российский предшественник – «всенижайший раб князь Михайло Щербатов». Читаем у Робертсона: «Вашего королевского Величества верноподданный Вильям Робертсон». Расхождение со Щербатовым в данном случае вполне объяснимо: язвительный князь Рюрикович в 37-м колене, с его резко негативным отношением к придворным нравам, слова «раб» и «князь», вероятно, намеренно поставил рядом, имитируя раболепие. Карамзин не был Рюриковичем, искренность его уважения к Александру не подлежит сомнению, отсюда – абсолютное совпадение подписи не с соотечественником, а с шотландским историком.

Обращаясь непосредственно к текстам посвящений, отчётливо видим у Карамзина терминологические, смысловые созвучия с формулировками того и другого автора, выдержанными вполне в духе века Просвещения.

Н.М. Карамзин: «...судя по *вероятностям разума*».

Ср. у М.М. Щербатова: «История *разума* человеческое *уверяет*...» (выделено мною. – *И.Р.*).

Н.М. Карамзин: «...ожидаем мира твёрдого... столь вожденного для Венценосцев, которые хотят властвовать для пользы людей...».

Ср. у В. Робертсона: «подданные Ваши... будут признательны к своему Государю, который предпочёл блага мира блеску военной славы...».

Н.М. Карамзин: «История народа принадлежит Царю».

Ср. у В. Робертсона: «Преимущества Истории состоит в научении Государей и народов».

Знаковая фраза Н.М. Карамзина, вызвавшая к жизни и политический задор Н.М. Муравьёва («История принадлежит народам»), и замысел «Истории русского народа» Н.А. Полевого [14], в контексте обращения В. Робертсона, думается, возвращается к своему исходному, принадлежавшему XVIII в. звучанию, архаичному для читателей в 1818 г.: история народа принадлежит царю, так как учит его властвовать для пользы народа.

Подводя итог сопоставлению столь значимых текстов, какими являются обращения историографов к монархам, нельзя не отметить, что они подтверждают не только преимущественную принадлежность труда Карамзина веку восемнадцатому, но и позволяют говорить о как минимум не меньшем влиянии шотландского образца на историческое творчество Карамзина, нежели отечественного варианта.

Анализ следующего структурного элемента – предисловия – приходится начинать с исторического сочинения, где предисловие практически отсутствует. Том «Истории Англии» Д. Юма, который *станет* первым, начинается характеристикой населения Британии в эпоху Юлия Цезаря. Вышедший первым седьмой том его истории содержит в первой главе слово «Введение», однако оно посвящено не общим вопросам исторического познания, не его предназначению, а предыстории появления Стюартов на английском престоле.

В предисловии В. Робертсона поясняется замысел его работы: «Следовало определить то время, до которого

государства, по слабости взаимных сношений, существовали отдельно, после же которого жизнь каждого значительного народа в Европе стала уже для всех значительною и поучительною. С этой целью я решился написать «Историю Императора Карла V»». Далее он отметит, что предварительный том он написал, «зная, что для моих читателей История о Карле V была бы мало поучительною без сведений о состоянии Европы до XV столетия». Кроме того, в предисловии Робертсоном была выделена в качестве наиболее значимой проблема причинности («показать и изъяснить происшествия и причины, которых действие произвело разные перевороты»); именно решение этой проблемы вызвало необходимость критических исследований («доказательств и объяснений»), которые, представлялось автору, читатели, пусть и не все, может быть, «почтут... за самую достойную любопытства, самую нужную часть сочинения». Охарактеризовав проблему источников, Робертсон выразил уверенность «в пользе сего рода Истории», впрочем, «оставляя свету рассуждать» о представленном сочинении [7. Т. I; 10. Т. I. С. 1–4, IX–XI].

В «Истории» М.М. Щербатова, как и в труде В. Робертсона, есть и «Предисловие», и «Введение», кроме того, книге первой будет предшествовать и «Рассмотрение о разных древних населяющих Россию народах». Предисловие посвящено проблемам исторической науки в целом: «Такие были тёмные начатки мирской истории, и надлежало протечи многим векам, прежде, нежели естество произвело довольно просвещённых людей, дабы порядочное повествование потомству оставить... прежде нежели Геродот писать начал» [10]. Введение же определяет проблемы, стоящие перед историками России, перечисляет семь основных причин, обусловивших особую трудность изучения отечественной истории (более позднее появление письменности, малое число летописцев «не весьма верных», суеверие, противоречивость, склонность к лести, невежество писателей и др.) [10. С. 1–2].

Иначе подошёл к проблеме обращения к читателю Э. Гиббон. В кратком предисловии к первому изданию своей «Истории» Гиббон отметит, что вовсе не намерен утомлять читателя пространным объяснением разнообразия и важности предмета и уделит основное внимание периодизации, общему плану, рамкам его сочинения (от века Траяна и Антонинов до взятия турками Константинополя) [12. С. 46].

Предисловие к I тому было помечено Карамзиным 7 декабря 1815 г., оно содержало обоснование значимости истории для правителей, законодателей и простых граждан, важности и содержательности отечественной истории, необходимости повествования, опирающегося на источники, но оживлённого чувством любви к отечеству. Далее, отметив неизбежность обилия примечаний как «тягостной жертвы, приносимой достоверности», Карамзин предлагал свою периодизацию отечественной истории как альтернативу периодизации А.А. Шлёцера и завершал предисловие выражением надежды на снисходительность сограждан к представляемому на их суд труду [8. Т. I. С. 13–22]. Именно предисловие и окажется самой читаемой частью «Истории», подвергнувшейся самому тщательному разбору.

Представленный краткий обзор предисловий к наиболее значимым историческим трудам середины XVIII –

начала XIX в. позволяет говорить о том, что и в этой части Н.М. Карамзин следовал опять-таки как отечественной, так и шотландской историографической традиции. Его обоснование значимости истории вполне в русле российских исследований, что было следствием более низкого статуса исторической науки в России, по сравнению с Англией: там в пользу истории уже не было никакой необходимости убеждать читателя. Как отмечалось, В. Робертсон сослался лишь на свою уверенность в пользе предлагаемого им варианта исторического сочинения, а не истории вообще.

Что же касается постановки проблемы доказательности выводов, необходимости обширной системы примечаний, обстоятельной характеристики источников, критического их анализа, готовности внимать суду читателей, здесь, думается, именно подход В. Робертсона является наиболее значимым образцом для автора «Истории государства Российского».

Поскольку анализ структуры рассматриваемых произведений показал наибольшую значимость обобщающих глав в трудах Д. Юма и Н.М. Карамзина, сопоставление данных элементов текста будет строиться на основе «Историй» этих двух авторов. Представляется более корректным провести сравнительный анализ отрывков, максимально близких хронологически, так как тогда уровень сложности изучавшихся историками государственных и общественных организмов будет, по крайней мере, сопоставимым. Этому требованию отвечает приложение из 7-го тома исследования Д. Юма, следовавшее за характеристикой короля Якова I, данной вслед за описанием его кончины и

Д. Юм:

«В этом месте стоит, пожалуй, остановиться, чтобы обозреть общее состояние королевства в отношении системы правления, нравов, финансов, торговли, наук и искусства. Без верного представления об этом история не может быть поучительной, а часто становится непонятной» [5. С. 105].

Н.М. Карамзин:

«Описав судьбу нашего отечества под наследственным скипетром монархов варяжского племени, заключим историю семисот тридцати шести лет обозрением тогдашнего состояния России в государственном и гражданском смысле» [14]. главе IV из X тома Н.М. Карамзина «Состояние России в конце XVI века», подводившей черту под периодом правления Рюрикovichей. И тому и другому историку предстояло далее описание смутных времён в своём отечестве, а потому обзор был необходим для осмысления их причин.

Общая задача – дать обзор – как видим, конкретизирована и обоснована у Д. Юма, тогда как Карамзин лапидарен, хотя проблемы, обозначенные им в тексте, те же. Характеризуя систему правления в Англии, Юм укажет на её более деспотический, в сравнении с современным ему, характер, на меньшую определённую и гарантированность прав подданных. У Карамзина аналогичных формулировок нет, однако отмечен вред, наносимый казной благосостоянию народному, малая забота о благосостоянии купечества, боязнь просвещения и т.д.

Следует подчеркнуть, что сопоставления с современным ему положением дел у Юма проводятся практически по каждой проблеме, пронизывают весь обзор, что, вероятно, должно было подспудно пробуждать мысль о неизбежности и благотворности предстоящего обновле-

ния; Карамзин же не выходит из рамок прошлого и не стремится картинками этого прошлого подготовить читателя к восприятию проблем Смутного времени. Более того, в финальной фразе его обзора, как и у Юма, посвящённой священнослужителям, не только не звучат мрач-

Д. Юм:

«Антонио ди Доминис, архиепископ Спалатро... бежал в Италию, где и умер в тюрьме» [5. С. 131].

Н.М. Карамзин:

«Таким образом иезуит Антоний, король Сигизмунд и папа Климент VIII, ревностно действуя в пользу западной церкви, невольно содействовал величю России» [14. С. 176].
ные пророчества, она, в отличие от небрежной, ничего не подытоживающей концовки шотландского историка, выдержана в тоне патетически-обнадёживающем:

Публицистичность данного текста Д. Юма весьма мало коррелируется с академичностью обзора Н.М. Карамзина; сближает их, пожалуй, прежде всего определённая дистанцированность от событий ближайшего будущего, отсутствие осязаемой логической взаимосвязи между специфической характеризуемой историками эпохи и грядущими потрясениями, что, без сомнения, расширяет пространство случайного в изображаемом историческом процессе.

Наиболее значимой случайностью, всего полнее представленной в источниках, бесспорно, является личность, наделённая высшими властными полномочиями. Поскольку анализируемые произведения посвящены истории разных государств, а герои Э. Гиббона и Н.М. Карамзина жили в разные эпохи, определённая трудность заключается в выделении адекватных по своей роли в истории личностей, сопоставление которых было бы достаточно корректным. Здесь не представляется возможным провести сопоставление портретных характеристик, даваемых всеми анализируемыми авторами, поэтому остановим выбор на портретах трёх исторических персонажей, чья деятельность пришлась на эпохи кризисные либо непосредственно предшествовавшие значительным потрясениям. Таковы Яков I Стюарт у Д. Юма, Максимилиан у Э. Гиббона и Б. Годунов у Н.М. Карамзина. Появление каждого из них на исторической сцене связано с прекращением прежней правящей династии: Тюдоров в Англии, Северов в Риме, Рюрикovichей в России. При сыне и преемнике Якова I начнётся революция, стоившая тому жизни, сын и преемник Бориса погибнет, свергнутый самозванцем, с возвышения Максимилиана в Риме начнётся период так называемых солдатских императоров, означавший серьёзный кризис политической системы принципата, сын Максимилиана будет умерщвлён вместе с ним. Таким образом, две новые династии не закрепились вовсе, одна надолго прервалась.

Уже анализ оглавлений трудов трёх историков позволяет сделать некоторые выводы. Д. Юм ограничивается в главе I выделением первых событий царствования Якова, в оглавлении второй и третьей главы Яков не упомянут вовсе, в главе IV есть пункт «Разрыв между королём и общиной», в главе V – ключевой момент: «Кончина короля. Его характер», наконец, как уже упомянуто, приложение, следующее за главой V, озаглавлено «Царствование Якова I». Структура фрагментов работ Н.М. Карамзина и Э. Гиббона, посвящённых Максимилиану и Б. Годунову, представляет собой совершенно иной

вариант подхода. Между структурными элементами портретной характеристики Д. Юма и Э. Гиббона параллелей немного: строка об объявлении Сенатом Максимином общественным врагом сопоставима с тезисом о разрыве между королём и общиной, а следование пункта «Его портрет» за упоминанием об умерщвлении Максимином аналогично с выделением пункта «Его характер» после тезиса о кончине короля.

Между оглавлениями Н.М. Карамзина и Д. Юма сходства, думается, ещё меньше: у Карамзина нет посмертной характеристики Годунова; название главы I тома XI «Царствование Б. Годунова», правда, аналогично названию «Приложения» Д. Юма, но и структура, и содержание этих фрагментов формировались совершенно различно. Структурно, представляется, Н.М. Карамзин в большей мере ориентировался на образец, предложенный Э. Гиббоном. Объём текста, который Карамзин посвятил Годунову, значительно превышает аналог, посвящённый Э. Гиббоном Максиминому, поэтому, естественно, и интересующие нас фрагменты оглавления весьма отличаются по размеру, поэтому в приведённых здесь выборках оглавление Н.М. Карамзина представлено лишь наиболее значимыми его элементами, тогда как оглавление Э. Гиббона в части, относящейся к Максиминому, приводится полностью.

Э. Гиббон

Т. I, гл. VII

«Рождение и судьба Максимиана. Заговор Максимиана ... Тирания Максимиана... Сенат объявляет Максимиана общественным врагом. Максимиан готовится напасть на Сенат и на его императоров ... Образ действий Максимиана. Умерщвление Максимиана и его сына. Его портрет».

Н.М. Карамзин

Т. X, гл. I

«Власть и свойства Годунова... Заговор против Годунова...»
гл. II

«Величие Годунова ... Клевета на правителя и месть его...»
гл. III

«...Избрание Годунова в цари...»

Т. XI, гл. I

«Деятельность Борисова... Любовь Борисова к просвещению и к иноземцам. Похвальное слово Годунову...»

гл. II

«Блестящее властвование Годунова... Подозрения Борисова... Кончина Годунова».

Идентична стилистика текстов, представленных краткими фразами, ставящими личность в эпицентр истории драматической эпохи. Различия вызваны, возможно, однозначно негативной исторической ролью Максимиана в оценке Э. Гиббона, более многогранная натура Годунова давала больший простор для формирования эпитетов.

В рамках самих текстов нельзя не заметить стремления всех авторов представить максимально объёмно тот набор черт, которые определили специфику образа их героя в истории; и Юм, и Гиббон, и Карамзин уделяют личностным чертам максимум внимания. Якову I, по

мнению Д. Юма, были свойственны многие привлекательные черты: обширная эрудиция, красноречие, даже литературные способности, мудрость и справедливость целей, умеренность, великодушие, мягкость, осторожность, гуманность, отсутствие гордыни, высокомерия. В то же время он отмечает дефицит политического благоразумия, благоразумной расчетливости средств достижения цели, робость, лень, отсутствие бережливости, силы и энергии, неловкость в манерах, пристрастность и неразборчивость в связях, безвольный характер, отсутствие политического мужества [5. С. 7–40, 102–104]. Честолюбивый Максимиан у Э. Гиббона отличается не только храбростью, прозорливостью, необыкновенной физической силой, мужеством солдата, дарованиями опытного генерала, но и свирепостью, неблагоразумной и неуместной жестокостью, яростью дикого зверя, завистливым жестокосердием, у него мрачная и кровожадная душа тирана; развратный, жестокий деспотизм Максимиана, «попиравший все принципы законности и справедливости» [12. С. 202–216], неизбежно должен был вызвать стремление прервать процесс формирования новой династии.

Борису Годунову, по Н.М. Карамзину, свойственны и злые тайные наклонности, и необузданная страсть к господству, любовь к славе и власти, хитрость неусыпная, коварство, происки, злодейство, что обусловило его превращение в «удивительную жертву суда Небесного», вкусившую «горький плод беззакония». В то же время он, с точки зрения историка, был достоин власти и величественной красотой, и повелительным видом, смыслом быстрым и глубоким, благоразумием, осторожностью и решительностью, мудростью в делах государственных, усердной любовью к гражданскому образованию.

Яркие образы исторических деятелей, которые удалось создать и Д. Юму, и Э. Гиббону, и Н.М. Карамзину, в равной мере соответствовали канонам прагматической истории: поучительность их не вызывает сомнения.

Анализ портретных характеристик, предложенных представителями англо-шотландской школы, даёт дополнительные аргументы в пользу точки зрения о генетической предопределённости труда Карамзина историческими исследованиями великих британцев. Объединяет их, думается, и то, что в этих работах так же сложно найти ответ на вопрос о том, насколько деятельность представленных героев отвечала на вызов своего времени, до какой степени они соответствовали уровню стоявших перед ними задач. Разумеется, портретные характеристики, как и другие рассматривавшиеся структурные элементы «Историй» XVIII в., не исчерпывают всего многообразия составляющих этих сложных текстов. Безусловно, каждый из пунктов сопоставления может стать темой самостоятельного исследования. Программа их сравнительного анализа неизбежно будет расширяться. Однако уже сейчас очевидно: во многих отношениях вариант исторического труда, предложенный Карамзиным, не может быть понят вне контекста направления, наиболее полно представленного англо-шотландской исторической школой XVIII в.

ЛИТЕРАТУРА

1. Карамзин Н.М. Письма русского путешественника. Л.: Наука, 1984. С. 252, 369.
2. Шлёцер А.Л. Нестор. Русские летописи на древнеславянском языке, сличенные, переведенные и объясненные. СПб., 1809. Ч. I. С. XXXV.
3. Шпет Г. История как проблема логики. М., 1916. С. 83.

4. Рудковская И.Е. Идеи И. Канта в историческом творчестве Н.М. Карамзина // Историческая наука на рубеже веков. Материалы всероссийской научной конференции. Томск: Изд-во ТГУ, 1999. Т. I. С. 73–79.
5. Юм Д. Англия под властью Стюартов. СПб.: Алетейя, 2001. Т. I. С. 105–131.
6. Нитче Д. The history of England from the invasion of Julius Caesar to the revolution in 1688. London, 1830. Vol. I, II, IV.
7. Робертсон В. История государственного императора Карла V. СПб., 1775–1778. Т. I–II.
8. Карамзин Н.М. История государства Российского. М.: Наука, 1989. Т. I, II, XI.
9. Вернадский Г.В. Русская историография. М.: Аграф, 1998. С. 60.
10. Щербатов М.М. История Российская от древнейших времён. СПб., 1794. Т. I.
11. Шапиро А.Л. Историография с древнейших времён по XVIII век: Курс лекций. Л., 1982. С. 187.
12. Гиббон Э. История упадка и разрушения римской империи. СПб.: Наука; Ювента, 1997. Т. I. С. 42.
13. Письма Карамзина к А.Ф. Малиновскому и письма Грибоедова к С.Н. Бегичеву. М., 1860. С. 27.
14. Муравьев Н.М. Мысли об «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина // Сборник материалов по истории исторической науки в СССР (конец XVIII – первая треть XIX века). М., 1990. С. 170–173.
15. Полевой Н.А. История русского народа. М.: Вече, 1997. Т. 1–3.

Статья представлена кафедрой отечественной истории исторического факультета Томского государственного университета, поступила в научную редакцию «История» 10 ноября 2003 г.